

Валентин ОРЛОВ

В ДЕБРЯХ ЯНЫ-ТАГТ

Валентин Орлов
В дебрях Яны-Тагт

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2016

Орлов В.

В дебрях Яны-Тагт / В. Орлов — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC»,
2016

Северный Урал – край суровой природы. Безбрежная нетронутая тайга, прозрачные реки, и горы – гигантскими волнами уходящие вдаль. Многие годы автор путешествовал по краю в своих охотничьих экспедициях. За годы скитаний с товарищем, а иногда и в одиночку, приключалось немало всяких историй: на реках попадали в катастрофы, тонули в болотах, были и опасные встречи с дикими животными. Но в итоге всегда побеждали опыт, выдержка и смелость. Были встречи и с интересными людьми: геологами, охотниками-промысловиками и этносом края – манси, среди которых осталось много друзей. Все увиденное надолго остается в сердце, не сотрется из памяти. Иногда спрашивают – а зачем тебе это нужно? Ответить непосвященному человеку сложно. Можно лишь добавить – это проверка самого себя. Проверка на прочность и устойчивость характера, а не повернешь ли ты в трудную минуту вспять? И если выдержишь после всех испытаний – начинаешь себя уважать! Это пожалуй главное.

© Орлов В., 2016

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2016

Содержание

Охотничий туризм	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Валентин Орлов В делях Яны-Татт

Охотничий туризм

В городок Ивдель, что расположен на севере Свердловской области, поезд пришёл глубокой ночью. Выйдя из вагона с рюкзаком за плечами и лайкой Кучумом на поводке, направляюсь в вокзал. Север встретил морозящим дождём, обычным здесь в сентябре. Далее мне предстояло проехать 90 километров ещё севернее, до посёлка лесорубов Ушма на реке Лозьве. На половине этого расстояния расположился ещё один посёлок – Вижая. В котором я надеялся найти какую-нибудь оказию для дальнейшего продвижения в Ушму.

Ушма – крайний населённый пункт в этих краях, отсюда обычно начинаются маршруты геологов, охотников, туристов, прочего бродячего люда, в том числе и мой. В первый раз я посетил здешние места ещё в студенчестве, в середине 70-х годов с однокашником по учёбе, который был родом из Полуночного – крупного посёлка Ивдельского района. Я провёл здесь пару охотничьих сезонов, и северная тайга на долгие годы захватила меня. В начале 90-х мне пришлось ехать без моего постоянного спутника Владимира, охотничья поездка которого отменялась из-за перенесённой болезни.

Прошёл год после моего последнего посещения Вижая, но он изменился до неузнаваемости. Разруха вокруг реальная: полуразрушенные бараки с зияющими окнами, поломанные заборы, повсюду валяющийся металлический и прочий хлам. Но, сузившись до размера нескольких обитаемых барачков, посёлок всё же как-то жил. Оставшимся здесь людям уезжать было некуда, их никто нигде не ждал. Сказать про них, что это была уж вовсе брошенная публика, нельзя. Они жили, ни на что, не жалуясь, ни от кого не ожидая помощи, воспринимали всё, как есть, кормились продажей заезжим – ягод, грибов, кедровых орехов и прочих даров природы. Кое-где у реки виднелись и вполне добротные жилища, в которых жили законопослушные граждане – из тех, кто в прежней системе состоял на разных должностях. У крепких рубленых домов стояли хорошие бани, моторные лодки, высокопроходимая техника.

В прежние годы можно было сравнительно легко договориться о заброске до Ушмы, но сейчас таких возможностей нет. Оставляю в перелеске рюкзак, беру собаку на поводок и направляюсь в посёлок в надежде найти транспорт. Собственно был лишь один вариант добраться до Ушмы – плыть на лодке. Вода в реках высокая, об этом я узнал ещё в Ивделе, по пути нужно пересечь три полноводных притока Лозьвы, что невозможно для автомобиля. В конце улицы сталкиваюсь с компанией подвыпивших мужичков. Подтвердили, что попутного для меня транспорта в поселке нет. Рассказали о происшествии с углекопами. Вахтовая бригада ехала на угольный разрез, при переправе через Лозьву они ошиблись бродом, машину стало сносить сильным течением. Вахтовики успели забраться на крышу будки, где и отсиживались, ожидая помощи. Их сняли, а машина так и осталась стоять – до спада воды.

Эта же компания сообщила мне, что в посёлке сейчас Николай Анямов – житель мансийской деревушки Керасколье, расположенной ещё выше Ушмы по течению реки. Он приплыл встречать супругу, приехавшую из Ивделя, и сегодня они собирались отплыть домой, но нет бензина. Я знал, что с бензином и в добрые-то времена было не всё хорошо, а теперь найти его и вообще, надежды нет.

Мы все вместе направились в один из домов у реки, где мужиков поджидал Николай. Попутно я выяснил про моего знакомого Севу – одного из хозяев тех крепких домов. Его нет дома, уплыл за ягодами, вернётся через двое суток... Опытные люди, посоветовавшись, сказали: «Надо плыть на солярке». Все согласились – другого выхода нет.

Я поспешил за вещами, а знакомые Николая побежали куда-то за топливом. По возвращении застаю всю компанию за столом. Проводы Николая затягиваются... Однако, пора вмешиваться в ситуацию – поздний выезд с нетрезвым пилотом грозит разными неприятностями. Переговорил с супругой Николая, и она деятельно принялась сворачивать банкет.

Вещи и топливо для мотора давно уложены, усаживаемся сами, и, помахав на прощание провожающим, отплываем. Двигатель выхлопывает синий дым, работает как-то неустойчиво, но мы двинулись. Глянув на реку, где шёл сплошной вал воды, поёжился. Но выбор сделан. Да и в моем ли положении можно было раздумывать и сомневаться? Вперёд, только вперёд!

Идём вверх по реке, встречаются табунки поднимающихся уток. Утка местная. Холодов пока нет, и северная утка ещё не идёт. Дует сильный встречный ветер, брызги воды обдают с обеих сторон. Николай время от времени швартуется к берегу и прикладывается к горлышку, но ведёт лодку исправно, фарватер знает, не теряет и не ломает винт. Супруга его, в целях безопасности, схитрила – разбавила напиток водой.

К вечеру доплываем до Ушмы. А мне до пристанища шагать ещё семь километров. Благодарю Николая, даю ему пачку патронов, супруге – сладости, все довольны. Позднее узнал, что эта симпатичная женщина утонула в весеннюю бурную ночь при сплаве по каким-то срочным делам. Лодка наскочила на камни, и из всех плывущих не спаслась лишь она.

Мы с Кучумом выгружаемся из лодки, и я, помахав на прощание моим спутникам, шагаю в Ушму. Посёлок совершенно заброшен, если не считать трёх обитающих тут людей: пожилой пары, оставшейся доживать здесь свой век, и моего знакомого Гриши, мужчины лет 40, жителя всё того же Керасколя. Разруха здесь ещё большая, чем в Вижае. С распадом Советского Союза отсюда уехали все представители братских республик, которых здесь было большинство, и посёлок опустел.

От Ушмы дорога долго идёт в гору. Поспешаю, хотя с тяжеленным рюкзаком сильно не разбежишься, но до базового лагеря дойти необходимо. Базовый лагерь – это просто заброшенная избушка на живописной поляне у берега реки Ушминки. Когда-то оленеводы выдерживали здесь на подкормке свой стада при переходе с гор. Избушку мы с товарищем отремонтировали и обычно проводили в ней день-другой после выхода из тайги.

Но, возвращаясь ко дню сегодняшнему. Темнеет. Надо бы ускориться, сократить путь, спустившись к реке и шагать по отмелям, но это невозможно из-за большой воды. Оставляю тяжеленный рюкзак в стороне от дороги, беру необходимые для ночлега вещи, ружье и прытким шагом пускаюсь дальше.

Были уже глубокие сумерки, когда, продравшись сквозь береговые заросли, я, наконец, подошёл к избушке. Всё было в сохранности. Да и нет тут никого, кроме медведей. А они тут ходят. Вот достоверный случай, произошедший здесь со мной за несколько лет до описываемых событий. В середине июля приехали мы с сыном Виталием сюда на рыбалку. Оставив часть продуктов, ушли рыбачить вверх по реке. Возвратившись через три дня, не обнаружили никаких продуктов, кроме закрытой банки тушёнки. На земле валялся прокушенный медвежьими зубами мой паспорт, кругом были красноречивые следы медвежьего пребывания.

Кухонная утварь припрятана невдалеке. Быстро всё нахожу, запаливаю костёр, готовлю незамысловатую еду. Уже в глубокой темноте забираюсь в спальный мешок, поздравляю себя с благополучным прибытием и проваливаюсь в сон.

Утро ясное. Погода радует. Быстро завтракаю, иду за оставленными вещами, а затем занимаюсь подготовкой к завтрашнему походу. Беру минимум сухих концентратов, сухарей, которые сушу всегда сам, без всяких там ванилей, солидный кусок сырокопчёной колбасы, укладываю походное снаряжение, выверенное годами. Близится вечер. Настраиваю снасть – надо попробовать рыбалку. Поднимаюсь вверх по реке к знакомой скале, но поток преграждает путь, подойти невозможно. Приходится возвращаться. Вечером отдыхаю, наблюдаю красивый закат солнца.

День начинается рано. Все готово, и после недолгих сборов отправляюсь. В этот день мне предстоит пройти 22 километра до так называемой базы Ильича. Дует встречный холодный ветер. В придорожных кустах взлетают рябчики, провожаю взглядом и иду дальше. Кучум то появляется, то снова исчезает. Здесь ему полная свобода и воля.

Прохожу реку Ауспию, вдоль которой начинается торная тропа к известному перевалу Дятлова. Он низкий, доступный в подходах, и туристы широко им пользуются для выхода на хребет. Всем известна престранная трагедия, произошедшая на этом перевале. Подобного случая здесь ни до, ни после не случилось. Случаи гибели людей, конечно, бывали, но это были травмы, потеря ориентировки, или ещё что-то, вполне объяснимое. А причины той трагедии непонятны до сих пор. В горах погода может за короткое время меняться от 0о до минус 40о. Может быть, создались условия для образования какой-то локальной лавины, погубившей людей? Различным домыслам нет конца.

Дорога идёт на северо-запад, в сторону хребта, подъёмы преобладают над спусками, идти тяжело. До базы Ильича ещё шесть километров. Там изба, там ночлег, там отдых. День кончится к вечеру, нужно успеть подойти туда засветло. Последняя пара километров болотистой дороги, и вот он – берег Лозьвы, конечная цель моего пути. Из трёх строений базы осталось лишь одно, остальные традиционно уничтожены. База как таковая, давно не существует, но название осталось.

Ранее, во времена госпромхозов, это была орехо-промысловая база. Кедровый орех заготавливали в обширном кедраче километрах в пяти от неё. База была расположена в живописном месте: вокруг высокоствольный сосновый бор, на реке обширный плёс, где когда-то охотился и рыбачил сторож Ильич. Изба цела, печка на месте. Протапливаю её, готовлю ужин. Стемнело, пора на отдых.

Сегодня предстоит пройти 12 километров заболоченной поймой Лозьвы, а в конце перейти реку. Там, на другой стороне реки, промысловая изба, это и будет мой следующий ночлег.

Теперь коротко обо всем моем маршруте. Конечный пункт путешествия – река Тошемья, приток Северной Сосьвы в её верхнем течении. На Тошемье есть старая изба геологов, она и будет моим опорным пунктом дней на шесть-семь. Отсюда я буду делать выходы вверх и вниз по реке, с ночёвками в промысловых избушках, а кое-где и в палатке. Намечен и выход в горы.

Итак, база Ильича позади. Дальнейшая дорога – старый вездеходный след – начинается с не топкого болота. Рюкзак ещё чувствительно оттягивает плечи, идти тяжело, и я не охочусь. Охота будет на месте. Буду ходить с лёгким рюкзаком, не спеша, а это – удовольствие. Марь с высокими кочками и чахлым березняком перемежается невысокими пригорками. Поднимаем стайку тетеревов. Молодые птицы далеко не разлетаются, но лая собаки не выдерживают, делают перелёты. Впереди гривка сосняка, за ней огромная калужина, а там и река. Вода идёт сплошным ковром, без бурунов на мелях.

Нужно разведать – проходим ли брод. Расправив сапоги, захожу в воду. Дошёл до середины реки, сапоги не заливают. Возвращаюсь обратно. Ширина реки метров 50. Ну что же, буду переходить. Надеваю рюкзак и, глубоко вздохнув, захожу в воду. Вот и середина реки. Припоминаю, что у другого берега проходит русло, там должно быть глубже. Течение усиливается, вода начинает захлёстывать в сапоги, это придаёт дополнительную устойчивость. Постепенно приближаюсь к другому берегу. Двигаться помогает предусмотрительно вырубленный шестик. До берега остаётся меньше десяти метров, течение с силой бьёт в бок. Чувствую – меня начинает сносить. Шире расставляю ноги, упираюсь шестиком, но удержаться невозможно. Делаю рывок вперёд, меня валит на бок и тащит течением. Ударяюсь о нависшие с берега ветки, хватаюсь за них и выбираюсь на невысокий откос берега.

Оглядываюсь на проносющийся сзади поток, и меня начинает сотрясать дрожь. «Безрассудные поступки сходят с рук лишь один раз», – мелькает запоздалая мысль. Но хорошо всё то, что хорошо заканчивается.

Оглядываю реку. Кучума не видно, но я не боюсь за него – он приучен плавать с детства. Наскоро отжимаюсь и, закинув рюкзак на спину, быстрым шагом иду вдоль берега. Избушка в хорошем состоянии. Это добротное жилище знакомого охотника-промысловика Петровского. Он – житель Екатеринбурга, закончивший охотоведческий факультет, на протяжении многих лет (до кризиса 90-х годов) добывал здесь пушнину. В стороне от избышки – небольшая баня, в сенях разная хозяйственная утварь, немного дров. Растапливаю печь, переодеваюсь, и жизнь снова становится полноценной.

До конечной цели моего путешествия – реки Тошемьи остаётся ещё двадцать шесть километров, восемь из них – сплошное болото. Хотя в этом году шли обильные дожди, но, по опыту прошлых лет, я знаю, что дожди и засухи особого влияния на болото не оказывают, оно всегда одинаково.

Проспал дольше обычного, выхожу в 10 часов. Тянутся редколесья с мелким сосновым подростом, места самые глухаринные, но сейчас глухарей что-то не видно, уже поздно. Прохожу ровную рощу соснового леса, справа видно старое охотничье становище, похожее на большой шалаш. Это – родовые угодья Феди, жителя Северной Сосьвы.

Спускаюсь к ручью и упираюсь в болото. Вездеходный след начинает вилять, всюду лежит поваленный лес. Идти тяжело. Метровые кочки, между которыми вода, заставляют прыгать и балансировать в поисках проходимого места. Не один час меряю болото.

Пошли места твёрже, попадаютя гривки леса. В невысоком сосняке Кучум поднимает глухаря, облаивает. Не задерживаюсь, иду дальше. После очередной калужины болото заканчивается. По обеим сторонам дороги густой лес. Видны следы деятельности геологов – валяются сломанные механизмы, развалившиеся ящики с кернами. Недалеко уже и до старой вертолётной площадки с приткнувшейся к ней избышкой, где будет остановка для ночлега.

На дороге много медвежьих следов, попадаютя и совсем свежие. Меняется поведение Кучума – он обнюхивает каждую травинку, озирается по сторонам, опускает хвост. Пёс молодой, медведей боится.

По сторонам тянутся заросли голубики. Кучум снова периодически исчезает, но меня это не беспокоит – волков тут нет. Вот там, где мы провели последнюю ночь, ближе к горам, они обитают. Причём, здешние волки (я видел их стрелянными на реке Тохте у оленеводов) заметно крупнее волков средней полосы. Года четыре назад около нашей последней ночёвки волки задрали двух лаек промысловика, хозяина той избышки. Мужчина едва сдерживал себя, рассказывая об этом.

День клонится к вечеру. По знакомым признакам определяю – до избышки недалеко. Показалось старое строение склада бурильной смазки, видна и вертолётная площадка. Избушка на месте, не сожжена, но требует ремонта. Подправляю потолок у печки, выравниваю нары. Поздний вечер. Вокруг высокие сосны с елями, на небе огромная луна и яркие звезды. ...Вспомнился рассказ Саввы, жителя с Северной Сосьвы. Однажды осенью, ночуя в этом же тепляке, он проснулся от звука шагов вокруг избышки. Кто-то, походив вокруг, вскарабкался на крышу и начал шевелить трубу. Таёжный житель принял его за менка – так манси называют лесного человека. Чтобы отпугнуть, принялся жечь в печке бересту. Это сильно не понравилось ночному гостю, он пробежал по крыше, спрыгнул на землю и исчез, а испуганный Савва так до утра и не спал.

Печка протоплена. Ухожу в блаженный сон до утра. Поднимаюсь рано, сегодня последний переход до Тошемьи. На дворе бело, в чайнике застыла вода, все припорошено инеем. Укладываюсь и – в путь. Дорога весёлая – по сторонам тянутся небольшие болотца, перелески, пригорки. ... Иногда доносится лай Кучума, наверное, белок облаивает, их тут много. Начина-

ется сосновый бор с крупным лесом – признак скорого выхода к реке. В шесть часов подхожу к избе геологов. Под крутым берегом шумит Тошемья. Поток воды несильный, вероятно в бассейне Северной Сосьвы дождей было меньше. Это радует. Ведь, кроме охоты на птицу, я хочу поохотиться и на быстрого хариуса.

Изба большая. В 60-е годы здесь проводились геологические работы, всё было обустроено для длительного проживания. Висят остатки проводов на стенах, на улице разбросаны обломки какой-то мебели, поломанные кровати. В углу печь с двумя уровнями горения, вероятно, для копчения рыбы. Крыша течёт в нескольких местах. Раздумываю, где ночевать. Склоняюсь всё-таки к варианту ночлега в избе.

Утром сортирую продукты. Первый выход, дней на четыре-пять, будет вверх по реке, с выходом на хребет Поясовый Камень. Всё уложено, ружье расчехлено. Сегодня нужно пройти 13 километров до промыслового балагана, где можно переночевать. Пересекаю реку и по азимуту выхожу на старый геологический профиль. Он совпадает с нужным мне направлением, можно идти спокойно, не боясь сбиться с курса. В недалёкие времена им пользовались северососьвинские пастухи-оленоводы, гоня оленей ранней весной в горы, а осенью – обратно. Оленей не стало, профиль начал зарастать. Оленеводство на Северной Сосьве нынче пришло в упадок по тем же причинам, что и промысловая охота.

Дорога идёт по профилю, затем круто на запад от него отходит оленегонная тропа, по которой мы с Кучумом и продолжаем идти. Поднимаем рябчиков. Не хочется разбивать пару, не стреляю, птица ещё будет. Собака иногда облаивает глухарей, слышно по голосу, но я и там не останавливаюсь. Охота на глухарей впереди, на лиственницах. Да и тащить глухаря весь день, желания нет. В таких одиночных походах самая удобная дичь – рябчик. Бесхитростная охота и минимум груза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.